

Консерватизм остро ощущает свою связь с «уходящим миром»

В.Г. Федотова, доктор философских наук

В 1990-е гг. многообразие российских политических партий исключало консенсус по поводу базовых интересов страны и тем самым лишало партии их реального партийного статуса. Сегодня консенсус присутствует, но в форме, доводящей эти партии до неразличимости. Все они перешли на обыденные повседневные позиции, исключив идеологии и заботы о них и уже по этой причине подорвав свой партийный статус. Либерально-консервативная «Единая Россия» переименовала себя в консервативную партию — в полном противоречии с выдвигаемыми ею идеями модернизации. Ее аргументами могла бы стать смена догоняющей модели модернизации на национальную в условиях глобализации и перегруппировки лидеров экономического роста, что теоретически известно по работам Ш. Айзенштадта, С. Хантингтона, моим многочисленным работам по модернизации. Но и тогда эта партия не могла бы назвать себя консервативной. Коммунистическая партия не является коммунистической, т. к. не разрабатывает идей справедливости и не знает их теоретического содержания. «Справедливая Россия» не вполне ясно позиционирует себя как новая социал-демократическая партия и не обсуждает возможностей социал-демократии в условиях глобализации, когда капитал убегает туда, где выгодно, и уменьшает возможности справедливого разделения «общественного пирога» внутри страны и т. д. О других вообще говорить не приходится. Партийная «липа» иных «партий», «педалирующая» некоторые общественно важные проблемы (наркотики, криминал, пенсии и пр.), безо всякого идеологического и теоретического содержания просто поразительна. Это опасно неразвитостью политической жизни,

тем более что демократия требует такого консенсуса партий, при котором они сохраняют свою вменяемость и идут на компромисс, жертвуя лишь менее важной частью интересов своей электоральной среды, защищая ее базовые интересы.

В этих условиях доклад М.В. Ремизова чрезвычайно актуален теоретическим и идеологическим самосознанием консерваторов, у которых, увы, нет партии, но есть все для того, чтобы предложить консерваторам всех мастей переопределить свои позиции в перспективном направлении, есть теоретические ресурсы для консервативной партии. Это — талантливый доклад.

Справедливо обнаружив специфику консерватизма как реакции на современность, на вызов распада «социальной космологии», автор доклада действительно показал, что именно консерватизм наиболее остро ощущает свою связь с «уходящим миром» (собственно, он вырастает из ощущения этой связи) и наиболее остро ощущает угрозу, связанную с разрушением традиционных (а я бы сказала — прежних) оснований общественного порядка. «Поэтому первый вопрос консерватору — вопрос на “понимание”: не “что вы собираетесь консервировать?”, а “что вы утратили?”». Я также согласна с попыткой автора вскрыть механизм ценностных изменений посредством терминов «легитимация», «делегитимация», дополняющими термины «конвенция», «конвенциализация», «реконвенциализация», которые я считаю перспективным использовать.

Эта мангеймовская линия эксплицирована и сконструирована автором в самом удачном виде. Правда, мне тоже хотелось бы, как и А.И. Неклессе, задать вопрос: а постмодернизм, который пытается реанимировать отброшенные модернизмом традиции, тоже является консерватизмом? С моей точки зрения, он — концепция периода неопределенности, перехода от второй современности к третьей, пока еще не осознанной, заполнение неопределенности 1960–1990-х посредством надежды на некий «пост», который затем уверенно сменяется третьим модерном.

По этой причине я абсолютно не согласна с пассажем доклада «Проект Просвещения, как проект реконструкции общества на рациональных основах, в целом, потерпел неудачу. Таково преобладающее мнение, разделяемое как его сторонниками, так и противниками. Из крупных современных идеологов Просвещения с наибольшим оптимизмом держится Юрген Хабермас, но и он считает проект «незавершенным», т. е. не достигшим цели и связывает свои надежды с утверждением «дискурсивной этики». То есть с обновленным проектом Просвещения, который удивительно точно повторяет главный изъян «старой версии» проекта». Добавим сюда также, видимо, неизвестные автору линии немецкого социолога П. Вагнера, Э. Гидденса, Ш. Айзенштадта, У. Бека, С. Лэша, Дж. Александера и многих — многих других.

Во-первых, модерн не тождественен Просвещению, а называть Просвещение ложным учением модерна — это значит стать ситуационным консерватором. Тогда Просвещение — это только утрата, модерн — это только утрата и консерватизм, становится охранительностью или просто традиционализмом.

Во-вторых, модерн оказался действительно незавершенным *процессом*, по логике которого сегодня развивается весь мир. Я и мои соавторы (В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова) рассмотрели историю капитализма и эпохи современности¹. В отличие от высказанного выше предположения об отсутствии ясности в отношении современности и консенсуса относительно ее «проектности», мы, опираясь на исследования в области теории модернизации и анализ ее историй в разных странах, сформулировали суть эпохи современности как переход от господства традиций к господству инноваций с вытекающими отсюда коренными переменами в большин-

¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 2008.

стве сфер жизни². Мы разделили, продолжив работу многих исследователей, современную эпоху на этапы: *первая современность, вторая и третья*. Первая современность — это *либеральная современность XIX в.*, складывалась с начала Нового времени как *органически-инновационный процесс*, вызванный Ренессансом, Реформацией и Просвещением, в результате которых появился новый рациональный человек, рынки, капитализм. Органически-инновационный характер становления первой современности вообще не позволяет говорить о ней как о проекте. Запад никого не догонял, не опирался на предзаданные схемы развития. Разумеется, цели ставились, отдельные аспекты обрастали проектными или квазипроектными заявлениями — например, слова Мадзини «Мы создали Италию, теперь будем создавать итальянцев» звучат почти проектно. На Западе этот *органический, естественно-исторический* процесс был инновационным и связан он с выделением экономики как первой системы целерационального действия, с формированием «модульного человека» (Э. Геллнер). Проектная деятельность появилась у стран, которые пытались догнать Запад, но их историческая культура, сама история переделывала их проекты, внося в них значительную долю естественно-исторического процесса. Но все эти гигантские эпохальные инновации никак не похожи на некие изобретенные кем-то нововведения, т. е. на проекты.

Незападные страны — Россия, Турция, Мексика — встали на путь догоняющей модернизации, взяв за образец Запад. Здесь усилилась проектная составляющая, определявшая характер и выработку планов реформирования этих стран, закончившуюся в России отказом от реформирования и революционным сломом феодальной и буржуазной системы. *Вторая современность*, начавшаяся после Первой мировой войны, была, в отличие от *первой либеральной современности*

² См.: Федотова В.Г. Модернизация «второй Европы». М.: ИФ РАН. 1998.

ти XIX — начала XX вв., организованной современностью, где уже имелись конкретные проекты (социал-демократии, например), но одновременно — естественно-исторические процессы развития техники и роста влияния технократических элит. Источник инноваций, свойственных любой модернизации в незападных странах, вытекал из мобилизационного характера развития.

Третья современность, начавшаяся с конца 1990-х гг., — новое Новое время для незападных стран — оказалась менее всего обязанной проекту. Реформирование в России 1990-х было заменено революционным сломом системы социализма (коммунизма), а подъем стран Азии и других незападных стран — в частности, Китая, Индии, Бразилии, Индонезии — был определен возобновлением традиций торговли, дешевизной их рабочей силы, ориентацией на глобальный рынок, удержанием национальной и цивилизационной идентичности в эпоху перемен и прагматическим восприятием мировой ситуации.

Сегодня речь идет в России о модернизационных проектах в сфере развития технологий, политической системы, гражданского общества, науки, образования. Пока это еще только стремление к подобному проектированию, не получившее общих характеристик, которыми можно характеризовать как модернизационный процесс, так и проект.

В-третьих, слово «проект» попало в философскую литературу по проблемам модернизации преимущественно с 1980 г. Оно было приведено в речи Юргена Хабермаса во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Его речь, многократно перепечатанная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн — незавершенный проект».

Приведу слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их

своевольной природы (курсив мой — В.Ф.), но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной организации жизненных условий...». Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более чем желаемую программу. Слово «проект», любимое нашей философской молодежью, в большей мере отбрасывает вторую сторону — «своевольную природу» исторического процесса. В докладе М.В. Ремизова слово «проект» употребляется в более жестком смысле и не вполне уместно, если принять во внимание огромную российскую и зарубежную литературу, имеющую сложившийся консенсус относительно современности: «*Нет общего мнения по вопросу о том, в чем суть и порождающий принцип той взаимосвязи идей и институтов, которую мы называем “современность”*» (курсив мой — В.Ф.). В рационализации, эмансипации, секуляризации или в чем-то еще? Но существует отправная точка для понимания современности и рассуждения о ней. Вот тут автор говорит о современности в столь же неясных, неизученных им терминах, в которых другие говорят о консерватизме. По его мнению, она состоит в том, что «современное общество обречено на *проектный* способ существования». Правда, далее говорится нечто, более похожее на утверждение Хабермаса: «Современность — не проект, но арена столкновения различных проектов или, точнее, программ, стратегий (не всем им присущи свойства конструктивной связности, предполагаемые понятием «проект») ответа на общий исходный вызов — распад социальной космологии “традиционного общества”».

Но в целом восторжествовавший в докладе научно-философский дискурс консерватизма соседствует с выдуманым пониманием современности — ошибочным отождествлением ее с Просвещением, игнорированием естественно-исторических процессов становления современности и смены ее фаз, толкованием современности толь-

ко как утраты, на которую реагирует консерватизм и, тем самым, переходом на позиции Хантингтона о ситуационном консерватизме вместо теоретически зрелой концепции Мангейма, которую автор справедливо защищает.

Сегодня в России речь идет о модернизационных проектах в сфере развития технологий, политической системы, гражданского общества, науки, образования. Пока это еще только стремление к подобному проектированию, не получившее общих характеристик, которыми можно характеризовать как модернизационный процесс, так и проект.

Консерватизм как модернистский проект и как политтехнология элиты

А.Н. Окара, кандидат юридических наук

В докладе М.В. Ремизова предпринята интересная попытка описать именно концептуальное ядро консерватизма, а не его экспликации, экстраполяции и ценности, как это чаще всего происходит в апологетических работах по консервативной политической философии.

Консерватизм — это реактивный идеологический проект, созданный в нынешнем виде в ходе поиска концептуальных альтернатив Просвещению и Французской революции 1789 г. Неслучайно само это слово, сам термин и первичную концепцию предложил французский писатель-романтик Шатобриан в «Замогильных записках» и некоторых других текстах.

Но дискурс консерватизма ограничен именно эпохой Модерна: о «чистом» консерватизме можно говорить, начиная с 1789 г. и по вторую половину XX в. Когда заканчивается проект «Модерн», консерватизм теряет свою сущность, которую В.М. Межуев определил здесь как «проектность прошлого».